

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ДОН КИХОТА В РАССКАЗЕ
А.П. ЧЕХОВА «ПЕЧЕНЕГ»
(Reflejo de la imagen de Don Quijote en el cuento de
A. O. Chejov "El pecheneg")

А.Ю. Тюлькина

Удмуртский государственный университет (Россия)

A.Yu. Tyulkina

Universidad Estatal de Udmurtia (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 6 (2010), 185-187

ABSTRACT

This article analyses the story of A. P. Chehov «Pecheneg». It discover the correlation between the character of the main hero and the character of Don Cicho. The heroes are compered on the level of names and external details. They are considered to embody their ideas.

Key words: Chehov, Quixote, wandering.

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется рассказ А. П. Чехова «Печенег» с позиции соотношения главного героя с Дон Кихотом. Сопоставление ведется на уровне имен, внешних характеристик и идей, выразителями которых являются герои.

Ключевые слова: Чехов, Кихот, странствующий.

В апреле 1879 г. А. П. Чехов в письме рекомендует брату Михаилу для прочтения ряд книг, в число которых входят «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» Сервантеса и статья Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»: «Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот» (полный, в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева. Ты, брате, не поймешь» (1974: 49). Проблема поиска в окружающей действительности героя, похожего на Дон Кихота, «энтузиаста, служителя идеи, обвеянного ее сиянием» (Тургенев 1980: 54) на протяжении всего творческого пути была одной из ключевых для писателя.

Одним из произведений А. П. Чехова, изображающим героя, стремящегося найти для себя идею, служению которой он мог бы посвятить жизнь, является рассказ «Печенег», написанный в 1897 г. Ряд внешних деталей в характеристике Ивана Абрамовича Жмухина с первых же строк отсылает нас к образу хитроумного идалго. Прежде всего, обращает на себя внимание внешнее сходство героя Чехова с Дон Кихотом: «старый, сухой и сутулый, с мохнатыми бровями и седыми зеленоватыми усами» (о Дон Кихоте: «возраст нашего идалго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав...»). Во-вторых, в описании жилища Жмухина упоминается, что «на стенах висели ружья, ягдташи, нагайки, и вся эта старая дрянь давно уже заржавела и казалась серой от пыли» создает атмосферу близкую атмосфере романа Сервантеса: «первым делом

принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью».

Подробнее стоит остановиться на заглавии рассказа, которое одновременно и сближает двух героев, и дает почву для их противопоставления. Слово «печенег» задает семантику кочевания. Если Дон Кихот странствует, то Жмухин кочует. Странствие соотносимо с путешествием, оно предполагает наличие дома, в который всегда можно вернуться, что и происходит в конце романа Сервантеса. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова дает следующее толкование слову кочевой – «не проживающий постоянно на одном месте, переходящий с места на место со своим жильем, имуществом» (1989). О таком разрыве всех связей с почвой, традицией, «домом» говорит и принцип наименования героя. Проезжий землемер назвал когда-то Жмухина «печенегом», позже это слово стало относиться к хутору героя, «а самого Ивана Абрамыча звали «знаете ли», так как он говорил обыкновенно очень много и часто употреблял это «знаете ли». Такое кочевание в сфере имен чуждо Дон Кихоту. Избирая себе имя, идалго прибавляет к нему «название своей родины», чтобы «оказать честь своей отчизне». В конце романа герой говорит: «Поздравьте меня, дорогие мои: я уже не Дон Кихот Ламанчский, а Алонсо Кихано, за свой нрав и обычай прозванный Добрым». И это странствие заканчивается возвращением.

Кочевание Жмухина проявляется не только и не столько во внешнем плане, сколько во внутреннем. И. С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон Кихот» говорил об идалго: «Постоянное стремление к одной и той же цели придает некое однообразие его мыслям, односторонность его уму; он знает мало, да ему и не нужно много знать: он знает, в чем его дело, зачем он живет на земле, а это - главное знание» (1980: 55). Неслучайным оказывается и соотношение имени идалго с греческим глаголом «κίχαο» - «достигать, добиваться, находить». Жизнь Жмухина, напротив, постоянная попытка самоопределения, поиск «какой-нибудь одной мысли, непохожей на другие, значительной, которая была бы руководством в жизни». Встреча с частным поверенным не может прекратить этого кочевания. Попытка перенесения чужой идеи, чужих идеалов оканчивается неудачей: «И он размышлял о том, что хорошо бы ввиду близкой смерти, ради души, прекратить эту праздность, которая так незаметно и бесследно поглощает дни за днями, годы за годами; придумать бы для себя какой-нибудь подвиг, например, пойти бы пешком куда-нибудь далеко-далеко, отказаться бы от мяса, как этот молодой человек [...] но вдруг в голове все перепуталось и все стало неясно». Отсутствие универсальной идеи, одинаково применимой для нескольких людей - одна из основных черт поэтики Чехова. А. П. Чудаков в своей монографии писал: «Даже самая в своих истоках светлая и прекрасная идея, дойдя до своего завершения и воспринятая как абсолют, превращается в свою противоположность» (1971: 262). Идея поверенного в сознании Жмухина каждый раз сталкивается с противоречием: «со свиньями как быть?» Этот вопрос останавливает героя от «подвига», не дает успокоиться, «остановиться на какой-нибудь одной мысли». «Случайностный внешний мир, от которого идея в системе Чехова не может быть отъединена, вторгаясь в ее развитие, лишь прерывает, тормозит это развитие. Идея испытывает все колебания этого мира, она открыта всем внешним влияниям» (Чудаков 1971: 261). Если герой Чехова постоянно находится среди вещей и испытывает влияние этого вещного мира, то «самая несомненная действительность исчезает перед глазами» (Тургенев 1980: 58) Дон Кихота.

Смещаются акценты и в отношениях между людьми. Центр идеи Дон Кихота лежит вне самого идальго, «он весь живет вне себя, для других, для своих братьев» (Тургенев 1980: 55). Достижение почета тоже является целью идальго, но целью неосновной, сопутствующей. Идея Жмухина должна касаться только его: «хотелось кротости, душевной тишины и уверенности в себе». Эта замкнутость героев рассказа на себе отражается и в отношении Жмухина к жене. В мире героя женщина перестает быть идеалом. Если Дон Кихот возносит простую крестьянку до Дульсины Тобосской, то в рассказе Чехова происходит обратное движение: во-первых, при описании Любви Осиповны говорится, что «по платью ее можно было принять за прислугу», во-вторых, Жмухин представляет свою жену гостью как «мать моих сукиных сынов».

Итак, ни разу не упомянутый в тексте рассказа, образ хитроумного идальго Дон Кихота присутствует на его страницах как идеал гармонии, как носитель идеи, служащей ему «зацепкой» в жизни. Именно такую идею ищет для себя главный герой рассказа, «печенег» Иван Абрамович Жмухин. А. П. Чехов говорит о невозможности достижения донкихотовского идеала для Жмухина. Эта невозможность объясняется, прежде всего, тем, что идеи для героев Чехова находятся в неразрывной связи с окружающей действительностью, вещным миром. Крах идеала заключается и в ситуации индивидуализма, обострившейся на рубеже веков. Множество героев Чехова – люди «в футляре», забывающие о своих ближних. В художественном мире А. П. Чехова Жмухин обречен вечно искать «зацепку», размышлять «о теперешнем направлении умов, о всеобщей безнравственности, о телеграфе, о телефоне, о велосипедах, о том, как все это не нужно», а его ружья, ягдташи и нагайки вечно будут висеть на стенах в ожидании «подвига».

БИБЛИОГРАФИЯ

- ОЖЕГОВ, С. И. (1989): Словарь русского языка, Русский язык, Москва.
- ТУРГЕНЕВ, И. С. (1980): Гамлет и Дон Кихот. В кн.: Сочинения в двенадцати томах. Том пятый, Наука, Москва.
- ЧЕХОВ, А. П. (1974): Письма. Том первый 1875—1886. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах, Наука, Москва.
- ЧУДАКОВ, А. П. (1971): Поэтика Чехова, Наука, Москва.